

то и пошлости. Повзрослев, Саша понял, что время, обрисованное в тассовских сообщениях и книгах отца, как бы становится и нашим временем. А сами мы незаметно как бы выступаем соучастниками тех событий, которые произошли века назад, но были воскрешены силой писательского воображения и слова. Сын редко видел отца безмятежным, удовлетворенным, чаще – в раздумьях и сомнениях. Но чувствовал, что отец никогда не лицемерил, не шел на сделку с совестью, не поддакивал тем, кто искажал суть явлений и событий. Став поэтом и семь раз побывав в воюющей Чечне, Александр Харитановский-младший сполна ощутил и героизм одних, и трусость других, и близость смертельного взгляда. Он умер слишком рано, не дожив до своего 57-летия. Обидно до боли, что этот своеобразный, с неповторимым творческим почерком поэт так рано ушел из жизни, не успев многое еще сказать нам и о самой жизни, и о человеческих страстях. Меня до сих пор не покидает ощущение, что Саша жил в ином измерении, иных координатах человеческих чувств, совести и веры. Всякий одаренный человек как личность, считал А. Харитановский – младший, «славой ушедших обмерян». Это своего рода творческая цепочка, скрепляющая поколения, нравственное измерение жизни.

Постигая тонкости поэтической строфы, А. Харитановский заглядывал в глубины человеческой сути. Обрученный со словом и телекамерой, он не делил своих героев на старших и младших, командиров и подчиненных, а выстраивал их по уму, порядочности, совестливости, честности, мужеству и полезности своему Отечеству. Право на свою нишу в отечественной журналистике и литературе он добывал не только пером, но и автоматом – 7 раз бывал в «горячих точках» Кавказа! Он эту нишу занял по праву. Потому что трудился, как каторжник. Его перо не знало простоев и отдыха. Он много читал. Особенно любил А. Блока...

А. Харитановский-младший был всегда на виду. Сравнивал себя с мчащимся по эпохе «вороним конем», ветром («Мысли мчит одержимый мой конь»). И далее:

Для рифмы нет секунд и метров:

Она, как спринт, – подруга ветра.

Поэт был строг к себе, полагая, что имя еще не обрел («Век двадцатый оставил нам отчество, Только именем вот обделил»), и света еще не заслужил («А где же свет? Пустой вопрос, До света, видно, не дорос»). Его стихи, как вспышка молнии. Они высвечивают события, времена, лица во имя поиска истины. Ее он искал умом, а находил сердцем. Его «строка срифмована надежно с нашим веком». И не только с нашим. В поэмах «Славороссия» и «Глохнут планеты уши» А. Харитановский, как мудрый учитель, дает возможность мобильно-компьютерному поколению прикоснуться к историческим реалиям, духовным глубинам нации, понять разницу между добром и злом, гением и бездарностью, ощутить силу божественного присутствия: «Душа торопится на исповедь». Потому что «Кривой оказалась дорога», да и «В вагоне еду под названьем «Боль». В своей первой поэме